

История

Закон 18 октября – закон о новом правовом строе. К десятилетию закона «О реабилитации жертв политических репрессий»

Разработчики закона – председатель правления общества «Мемориал» Арсений Рогинский и судья Конституционного Суда Анатолий Кононов – о его значении для правового строя современной России.

**Арсений Рогинский,
председатель правления общества «МЕМОРИАЛ»**

Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» по факту утверждения некоторых новых ценностей едва ли не равновелик новой Конституции.

Закон о прошлом

И тогда, и, увы, на сегодняшний день это единственный закон, посвященный прошлому. В нем идет речь о восстановлении в правах огромного количества людей. Не об исправлении отдельных судебных ошибок, а о реабилитации сотен тысяч и даже миллионов. Он нацелен на восстановление в правах людей, которые были репрессированы по групповому признаку: по социальному (священники, например), по национальному (немцы в 1941 г.), по конфессиональному и т.п. Закон вводит понятие «жертва политических репрессий» и соответственно понятие политических репрессий. Это одно из его великих достижений. Без этого нельзя было двигаться вперед. Надо было что-то делать с этим огромным беспредельным прошлым.

За последующие десять лет не возникло никаких других законов по расчету с прошлым. Еще в первый год шла битва за закон о люстрации. Я противник люстрации, но для многих она была естественным следствием закона о реабилитации. Для нашей страны было бы неестественно и неверно заниматься люстрацией. На это пошли чехи в 92-м и еще несколько посткоммунистических стран. Вообще закон о люстрации возможен в стране, где режим воспринимается как оккупационный и после его свержения люстрация может быть применена к «коллорабоналистам». Это возможно везде, кроме России, потому что у нас большевистский режим – это родной наш режим, ему не двадцать лет и даже не сорок, а все семьдесят.

В 2000 г. Дума приняла еще одно небольшое постановление примерно в духе преам-

булы к закону о реабилитации. Может, неловко было после того, как они отклонили целый ряд поправок к закону, но это постановление – чистая декларация. А нормального юридического осуждения режима не было. Не было дано никакой государственной оценки прежнему режиму: какой он – преступный или не преступный. А главное – не было такой общенациональной исторической дискуссии, какая уже много десятилетий идет, например, в Германии.

Закон о реабилитации был первым шагом на пути оценки советского режима, но первый шаг так и остался единственным. Дальше этого закона ничто не двинулось. Поэтому он и остался в сознании большинства людей как закон о компенсации пострадавшим, а не как закон громадного исторического значения, каким он по сути своей является.

Однако оценка прошлого имеет невероятное значение для настоящего, для всей жизни страны. Не бывает же современного самосознания без исторического. Без этого, например, совершенно невозможно школьное образование, учебники. Как согласуются мои данные о 104 тысячах арестованных и 300 тысячах депортированных с территории Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–41 гг. с идеей братского освободительного похода, которая до сих пор фигурирует в ряде учебников? Да никак! В девяноста процентах наших музеев нет ни слова, ни взгляда на эту тему. Власть относится к истории операционально, в зависимости от своих интересов достает из кармана то одно, то другое.

Я думаю, что к этому, к оценке советского режима еще неизбежно придется вернуться.

Закон о новой легитимности

Несколько важных вещей лежат в основе этого закона. Первое: из него, хотя прямо об этом там не сказано, несомненно следует, что политический террор был важнейшим и главным инструментом в руках той власти, которая существовала в нашей стране в течение многих десятилетий и перемолола в этом терроре миллионы людей. Очень важны, конечно же, хронологические рамки. В законе сказано: «Целью настоящего Закона является реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 года». Это ведь итог многолетней дискуссии. При Хрущеве началом репрессий считалась вторая половина тридцатых, потом, при Горбачеве, мы включили коллективизацию, а этот закон ставит точку во всех этих спорах.

Самое важное – в этом законе дана правовая оценка прошлого, сказано, что террор как политический инструмент использовался советской властью начиная с первого дня ее существования. Это закреплено в законе, этого теперь не вычеркнешь. Тогда правильно говорили, что законом о реабилитации обозначены начало и конец советской власти: начало – 25 октября 1917 г., а конец – сегодня, когда закон принимался. Приняв этот закон, мы публично осудили многолетний террор и преследования своего на-

рода как несовместимые с идеей права и справедливости. За каждое слово тут шла борьба. В конце концов остался компромиссный вариант, но и этих слов достаточно.

Задача закона была опрокинута назад, в прошлое, но признание человека жертвой политических репрессий и в последующее время абсолютно возможно – в судебном порядке на основании этого закона. Не случайно, что, когда его в первый раз выдвигали в 1990-м году, он был провален, а в 1991-м прошел. Это было сразу после путча, и коммунисты, которые составляли в тогдашнем парламенте большинство, испугались. Похоже, они решили, что сейчас с ними начнут сводить счеты по этому самому групповому признаку: возьмут и посадят, например, всех секретарей райкомов. Поэтому они за этот закон в октябре 1991-го и проголосовали.

Закон о реабилитации и современное российское право

Осудив террор и террористические методы управления государством, закон о реабилитации создал условия для дальнейшего правового продвижения в деле защиты прав человека. Без этого многие принятые впоследствии законы были бы невозможны, хотя прямой связи между ними и не видно. Это законы, связанные с судебной защитой прав человека, весь процесс судебной реформы, пенитенциарная реформа. В законе о реабилитации утверждается целый ряд важнейших принципов права.

Очевидно, что по политическим статьям пострадало множество просто безвинных людей. Но было и огромное количество – тысячи – более сложных сюжетов. Например (условно), некий человек решил застрелить Сталина. Достал пистолет, стал готовить покушение, а его выявили и расстреляли. Этот человек должен быть реабилитирован или нет? Прокурор рассматривает это дело и видит, что тут чистый террор. Так вот – закон о реабилитации утверждает идею ненасильственного сопротивления. Человек может быть героем, но вовсе не жертвой незаконной политической репрессии со стороны государства. На этом основании отказали, например, в реабилитации Колчаку. То же с «лесными братьями».

Второе. Не надо же было никому реабилитировать жертв политических репрессий царского режима после революции. Режим сменился, и новому не надо было извиняться за старый. Он с самого начала заявил себя другим, поэтому и вопрос такой не стоял. Сейчас все по-другому. Нынешняя власть извиняется, но можно ли извиняться за других? Нет, она за себя извиняется. Здесь очень важная вещь: идея реформаторского, а не революционного пути развития страны. Эта власть есть наследница старой, пришедшая ей на смену легитимным, реформационным, а не революционным путем, и она извиняется за дела своих предшественников.

И, наконец, третье. Это закон очень осторожный. Вы знаете, что в разные годы были такие внесудебные органы, как «тройки» и особые совещания. Там рассмотрение дела производилось заочно, без вызова обвиняемого, не было сторон, иногда даже дела не истребовались, а просто списки подписывались. Казалось бы, мы должны всех осуж-

денных таким образом реабилитировать. Однако ситуация гораздо сложнее. Были, например, специальные тройки по борьбе с бандитизмом. Я смотрел протоколы этих троек, из них очевидно, что одних людей приговаривали к расстрелу за недоносительство и т.п., но в других случаях это были настоящие бандиты. Взять и всех реабилитировать только на основании того, что они были осуждены внесудебными органами, оказалось невозможно. Было предложение всех сразу реабилитировать, а потом в индивидуальном порядке начать задним числом все дела пересматривать. Довольно слабое решение. Штука в том, что в этих случаях реабилитация должна производиться всегда в индивидуальном порядке – за исключением только некоторых статей, таких, например, как «Агитация и пропаганда». Безумно сложно было со статьями «Пособничество немецко-фашистским захватчикам». Здесь требуется индивидуальный подход с учетом истории, с учетом того, как это было. Тут не чистое право, а сложный пограничный случай.

Итак, ненасилие, реформация, а не революция, индивидуальный подход – абсолютная уникальность этого акта. Этот закон должен служить развитию нашего исторического сознания и правосознания. Для этого нужна постоянная работа – и государственных органов, и общества – в самых разных направлениях, а она не очень-то идет.

Анатолий Кононов, судья Конституционного суда РФ

Политические репрессии – понятие универсальное

В проекте этого закона был такой замысел: вот, мы его примем, и после этого уже никогда подобных законов принимать не нужно будет. И мы ограничимся определенной датой: с такого-то момента, когда закон принят, все, кто подвергся политическим репрессиям до того, подлежат реабилитации, а после этой даты как бы невозможно уже допустить что-то подобное даже в мыслях. Но это в принципе невозможно никакими законом сделать. Эти гарантии – в Конституции, во всей системе власти, в идее демократии.

Я не верю, чтобы какие-то ситуации подобного рода могли возникнуть сейчас, пока действует эта Конституция и эта система власти. Вместе с тем в законе нет слова «сталинские репрессии». Политические репрессии – понятие универсальное, оно включает в себя все возможные репрессии, которые производились государством в отношении граждан по политическим мотивам. Таким образом, любой гражданин, пострадавший по тому или иному делу и считающий, что подвергся репрессиям по политическим мотивам, может апеллировать к этому закону.

4 октября 2016 года Минюст РФ внес
Международный Мемориал в реестр
«некоммерческих организаций, выполняющих
функцию иностранного агента».